

Золотая Кассета Дмитрия Сухарева

Ах, куда-то, зачем-то мы едем...

Вет. клуб. — 1995. — 11 июля. — С. 8.

"Мой вечер в Доме композиторов. Читал хорошо, с большим успехом. Если еще что-то напишется и опубликуется, я достигну громкой славы."

Во втором отделении пели скверные песни на мои стихи. Хорош один Сергей Никитин".

Меня аж пот прошиб, когда, читая дневниковые записи Давида Самойлова ("Знамя", 1995, № 2), я дошел до этого места. Это как же это так — скверные?! А Самойлов в песнях Виктора Берковского — не хорош, что ли? "Сороковые, роковые", песенка о Шуберте. Наконец, "Воспоминание", одна из самых пленительных вещей Самойлова — Берковского. А я как раз собрался взять ее в "Золотую Кассету"!

Потом сравнил даты и успокоился: запись сделана в апреле 76-го года, а песни возникли позже.

Сходным образом нашелся ответ и на мое ошарашивание, вызванное простодушным, мягко говоря, выражением почтения к успеху перед публикой. Да Самойлов ли это?

Но кое-что припомнилось и совместилось. Интимность, с какой добрая половина московских околелитературных барышек называла своего кумира Дзизиком. ("Нет, Дзизик — так это же чистый Пушкин!"). Готовность, с какой кумир порою оправдывал дамские ожидания: ... И жизнь свою

возненавижу,
И к вам в слезах паду
на грудь.

Свирепость, с какой отчитал друга бескомпромиссный Слуцкий:

Широко известен в узких
кругах,
Как модерн, старомоден,
Крепко держит в слабых
руках

Тайны всех своих
тягомotin...

Стихотворение Слуцкого увидело свет в престижном, скандальном и широко обсуждавшемся альманахе "Тарусские страницы" (1961), где по сути впервые напечатался сам

нашел в себе силу раздрать душистые пути — удрал со всеми чадами из Москвы и свил гнездо подальше от дзизиканствующих обожателей. Но на Слуцкого долго держал зуб, кротко огрызался: Слуцкий, мол, вообще не поэт. Завершив картину цитатой из наблюдательного Евтушенко: "В него как в поэта мало кто верил, за исключением красавицы-жены, Бориса Слуцкого и нескольких

ке прошли лучшие годы поэзии Давида Самойлова — теперь уже во всей полноте внутренней и внешней свободы. В Эстонии он и умер. Умер завидным способом, дай Бог всякому: прямо на вечере памяти Бориса Пастернака. Качнулся на сцене, вышел за кулисы — и конец. Было это совсем недавно, в 1990 году.

Поверхностный взгляд выхватывает из поэзии Самойлова элегическое начало. Стихи светлы, легки, прохладны. Строфика куплетна. Бери гитару и пой с фирменной бардовской интонацией — припечаленно и чуть философично.

И впрямь трудно найти поэта, который пелся бы бардами столь же много и любовно. На самом деле это редко когда удается. ("Пели скверные песни"). Невостребованными остались самоеловские юмор и аналитический ум.

Зато удачи музыкального прочтения — действительно хороши. Взять хоть никитинский исторический цикл — горячие, темпераментные баллады о царе Иване, о Емельке Пугачеве. А поздняя любовная лирика у того же Сергея Никитина!

Тот запах вымытых волос,
Благоуханье свежей кожи.
И поцелуй в глаза, от слез
Соленые, и в губы тоже.
И кучевые облака,
Курчавя-щие-ся над

И спящая твоя рука,
И спящий лоб, и локон
спящий.
Повремени, певец разлук!
Мы скоро разойдемся
сами.

Не разлучай уста с устами,
Не разнимай сплетенных
рук...

Божественно.
Но сейчас — обещанное
"Воспоминание".

Помню — папа еще
"молодой,
Помню выезд, какие-то
сборы,
И извозчик лихой, завитой,
Конь, пролетка, и кнут,
и рессоры.
А в Москве — допотопный
трамвай,
Где, прицепом — старинная
конка.

А над Екатерининским —
грай.
Все впечаталось в память
ребенка.
Помню — мама еще

молода,
Улыбается нашим
соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы
едем...
А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А кругом — купола, купола.
И мы едем, все едем
куда-то.

Звонко цокает кованый
конь
О бульжник в каком-то
проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи
созвездий.

Папа молод. И мать
молода.
Конь горяч, и пролетка
крылата.
И мы едем незнамо куда —
Все мы едем и едем
куда-то.

Самойлов, уже сорокалетний. Смысл этой беспрецедентной выволочки отчасти и такой: хочешь быть дамским угодником — пожалуйста, но не в стихах. Самойлов, хоть и не сразу,

родственников и близких друзей". Каков, однако, уровень разборок там, в высших эшелонах Поэзии! В малом эстонском город-

Накануне события

Пестрый мир

Церия Борисом и сопрано...